

Насмешливый обмен репликами между Цзян Яо и Вэнь Сюэхуэй привел Чжан Сицин в такую ярость, что она надеялась убить их своим ужасным взглядом.

Ху Юань знала Чжан Сицин как свои пять пальцев. Только взглянув на нее, она поняла, что сейчас подруга крайне возмущена, поэтому она быстро помахала фотографиями, которые только что получила от Чжан Сицин, и громко закричала:

— Как ты смеешь называть себя самой красивой первокурсницей, ты неразборчивая в связях шлюшка!

Ху Юань фыркнула. Она высоко подняла фотографии, которые держала в руке, и продолжила:

— Цзян Яо – чья-то содержанка! У нас есть доказательства, проверьте!

Ху Юань передала фотографии окружавшим их людям.

— Кто сказал, что Цзян Яо происходит из состоятельной семьи? Разве первокурсница может позволить себе мобильный телефон? Не смешите меня! Телефон от ее папочки! Одному богу известно, как она обслужила своего папика в постели, что получила такой подарок! Как мог такой отвратительный студент претендовать на звание представителя первокурсников? Как ее можно назвать самой красивой первокурсницей года? По-моему, она даже не имеет права быть студенткой Наньцзянского медицинского университета!

Это противостояние привлекло большую толпу зевак, и оно распространилось, как лесной пожар, и в мгновение ока достигло высшего руководства университета, или, может быть, это Чжан Сицин попросила кого-то привести их сюда.

Пока фотографии передавались по кругу, они попали в руки лидеров, которые пришли позже, и один из них был директором отдела по академическим вопросам.

Выражение лиц школьных руководителей стало жутковато-серым, когда они посмотрели на фотографию и услышали замечания Ху Юань.

— Цзян Яо, что происходит? Пожалуйста, объяснись! — прорычал директор в сильном смятении. А может быть, он рассердился из-за ее развращенности. Когда они рассматривали кандидатуры в представители первокурсников, он всем сердцем поддерживал Цзян Яо. Он презирал безвкусную природу семьи Чжан – решать все проблемы деньгами, поэтому находил существование Цзян Яо восхитительным. Наконец, у них появился повод выбрать действительно квалифицированных людей в качестве представителя первокурсников.

Цзян Яо взяла фотографию у директора, взглянула на нее и громко фыркнула прямо перед всеми.

— Чжан Сицин, ты тайно следила за мной? — обвинила Цзян Яо тоном наполненным ужасом и шоком.

— Ха, у кого есть время следить за тобой? Я сняла их, когда была у школьных ворот в нужное время! — Чжан Сицин взволнованно продолжала. — Кто ты? Что у тебя есть, чтобы я следила за тобой?

— А, так это ты сделала фотографии? Тогда почему ты передала эти снимки Ху Юань, и приказала ей обвинить меня? — Цзян Яо невинно моргнула. — Возьми на себя ответственность за то, что ты сделала, и выходи вперед. Ху Юань не видела этого своими глазами и не делала эти фотографии, поэтому она не имеет права спорить со мной по этому поводу.

Цзян Яо сделала вывод из нескольких намеков. Во-первых, фотографии были сделаны у школьных ворот. Тот, кто владел фотоаппаратом в это время, должен быть из состоятельной семьи. Самым простым примером, который она могла вспомнить, была семья Лу. Они были очень богаты, и у них тоже был фотоаппарат, но они берегли его как драгоценность и пользовались им осторожно.

Если судить по посредственной одежде Ху Юань, это точно была не она. Следовательно, Чжан Сицин, скорее всего, была той, кто сделал эти снимки.

Чжан Сицин в шоке разинула рот после небрежного обвинения Цзян Яо. Все вдруг посмотрели на нее по-другому.

— Она сделала эти фотографии, но почему она заставила Ху Юань противостоять Цзян Яо? Ху Юань ничего не видела, так что же она могла знать? Что, если возникнет недоразумение? Это будет бездоказательное вопиющее обвинение!

Цзян Яо намеревалась затащить Чжан Сицин в эту мутную воду. Более того, она подчеркнула, что Чжан Сицин следила за ней. Она хотела, чтобы свидетели знали, что никто не будет тайно фотографировать других людей при нормальных обстоятельствах, если только этот человек не скрывал злых намерений с самого начала.